А. Петрищевъ.

Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи.

Т-во „Задруга".

ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА.
Типографія „Задруга", Гончарная, 24.
1917.

Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи.

А. Петрищева.

ГЛАВА I.

«РУСИ — ВЕСЕЛІЕ ПИТИ».

Порою приходится слышать, будто въ старину на Руси пьянства было меньше, чѣмъ теперь. Въ дѣйствительности, въ старину пьянство было изобильнѣе и спиртные напитки были гораздо разнообразнѣе. Въ старые годы былъ въ большомъ ходу хмельной квасъ, какого теперь не варятъ, да и варить его нельзя, не заплативши акциза. Было пиво; было медовое вино, называемое кратко «медомъ», была и нынѣшняя водка — хлѣбное вино. Всѣ эти напитки приготовлялись въ Россіи. Было еще вино виноградное разныхъ сортовъ, но его привозили въ Россію главнымъ образомъ изъ-за границы.

Пили по часту и по многу не только міряне, но и духовныя лица, а въ томъ числѣ и монахи, и схимники. Даже такой суровый подвижникъ, какъ инокъ Вассіанъ, жившій во времена Ивана Грознаго, хоть хлѣба вкушалъ мало, но «піяше романію, мушкатель, ренское бѣлое вино». Даже въ женскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для одной только царицы Евдокіи, которая тамъ была инокиней, былъ заведенъ особый погребъ, а въ погребѣ томъ, кромѣ простой водки, въ изобиліи хранилось «вино венгерское, вино бургондское, вино французское... цѣлыми бочками, водки тминная, анисовая, настойки на [illegible] и на сосновомъ побѣгѣ, вишневки, меды, пива и другое многое спиртное питье. Когда послѣ царицы стали все это считать, то одного только хлѣбнаго вина (т. е. простой водки) оказалось 473 ведра — около 12 сороковедерныхъ бочекъ. Въ мужскихъ обителяхъ спросъ на спиртное былъ еще больше. Напр., для игумена Сергіева монастыря возлѣ Холмогоръ одного погреба съ винами не хватало. И онъ завелъ себѣ два погреба. Троице-Сергіевской лаврѣ «для обительнаго содержанія» не хватало водки своего издѣлія и ей было разрѣшено по 3.000 ведеръ ежегодно привозить изъ Малороссіи. Хмѣльное потреблялось ежедневно. И когда игуменъ той же, напр., Троицкой лавры выѣзжалъ въ Москву, то онъ обильно запасался на дорогу «веселящими питіями», хотя отъ лавры до Москвы всего 60 верстъ. Духовенству отъ казны полагалось даже, сверхъ обычнаго содержанія, особое жалованье водкой. Такъ, при царѣ Алексѣѣ Михайло-

вичѣ сибирскому архіепископу Кипріану «для его домашняго обихода» велѣно было отпускать «сто ведеръ водки изъ верхотурскаго кабака» на каждый годъ. Въ Астрахани чиновникамъ (по старинному: «служилымъ людямъ») отъ казны водка жаловалась лишь «на государевы ангелы», а духовнымъ лицамъ «для повседневнаго питья».

Насколько вообще пить было въ обычаѣ, можно судить по слѣдующему. Въ старые годы въ Москвѣ, да и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ много было святынь, каждый почти день по утрамъ происходилъ наемъ поповъ. Дѣлалось это обыкновенно такъ. Духовныя лица раннимъ утромъ собирались на людныя мѣста. Сюда же приходили тѣ, кому нужно было заказать поминальную обѣдню, молебенъ или иное богослуженіе. Заказчикъ обращался къ тому священнику, который ему больше нравился, и договаривался съ нимъ. Конечно, не обходилось при этомъ безъ торга: заказчикъ давалъ меньше, священникъ запрашивалъ, одинъ набавлялъ къ своей цѣнѣ, а другой сбавлялъ,—какъ обыкновенно при всякомъ торгѣ бываетъ. И когда заказчикъ упрямился и не давалъ сколько ему сказано, священникъ говорилъ:

— Давай, а не то закушу.

И подносилъ ко рту шкаликъ и калачъ. То-есть, заказчикова цѣна такъ несообразна, что онъ, священникъ, предпочитаетъ позавтракать, а слѣдовательно, отказаться на день отъ службы и отъ заработка (священнику подобаетъ служить лишь натощакъ, а поѣвши служить нельзя). Это помогало убѣдить богомольца, что нужна прибавка, и онъ прибавлялъ. Шкаликъ же въ рукахъ попа никого не удивлялъ. Это считалось дѣломъ обычнымъ:

— Вышелъ, дескать, попъ заказчика искать. А разъ заказчикъ не нашелся, — надо же человѣку позавтракать. А передъ завтракомъ надо же выпить.

Таковы были нравы духовенства, хотя духовныя особы все-таки стѣснены и саномъ, и службой. Поэтому можно судить, какъ смотрѣли на выпивку мірскіе люди. Не даромъ же старинныя книжки увѣряли, будто князь Владиміръ кіевскій сказалъ:

— Руси есть веселіе пити. Не можетъ безъ того быти.

Пить было вольготно. Каждый варилъ, сколько ему нужно, брагу, сусло, квасы, медъ, курилъ водку, настаивалъ настойки, наливалъ наливки. Пили хмельное, обыкновенно, по-семейному, дома. Въ будни каждый выпивалъ со своими чадами и домочадцами, сколько привычно. А въ праздничные дни знакомые и близкіе собирались другъ къ другу, устраивались пирушки, и тутъ ужъ хмельное истребляли безъ счета, сколько влѣзетъ. Времена стояли дикія. Не было ни книгъ, ни школъ. Не было и интереса къ дѣламъ умственнымъ, духовнымъ. Теперь часто бываетъ такъ: сойдутся люди, станутъ говорить, какъ лучше устроить жизнь, какъ справедливѣе жить, и говорятъ объ этомъ всю ночь напролетъ, забываютъ и ѣду, и сонъ. Теперь многіе люди уже научились думать; стали сознавать, что мысль—дѣло великое и важное. Иная мысль такъ зажигаетъ сердце человѣческое, что за нее жизнь отдать не жалко.

и мученіе претерпѣть не страшно. Но, конечно, чтобы проникаться мыслью до готовности пострадать за нее, нужна привычка къ умственной, духовной жизни. Въ старые годы такой привычки не было. Люди жили «постаринѣ», какъ нынѣ нерѣдко говорятъ,—т.-е. работали для пропитанія—ѣли, спали. А выпивка помогала имъ коротать часы досуга и забывать горе.

Словомъ, выпивали въ старину много. Спиртные напитки были у нашихъ предковъ какъ бы предметомъ первой необходимости. А необходимый предметъ довольно легко сдѣлать источникомъ дохода

ГЛАВА II.

ЦАРЕВЪ, МОНАСТЫРСКІЙ И БОЯРСКІЙ КАБАКЪ.

Рѣшаюсь, для поясненія напомнить одинъ, сравнительно недавній случай. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Уфимской губерніи какой-то исправникъ въ своемъ уѣздѣ сталъ предлагать крестьянамъ:

— Составьте обществомъ приговоръ, что продаете мнѣ вѣтеръ, а я вамъ за это дамъ на водку.

Крестьяне хохотали до упаду. Легкомысленно составляли приговоръ и получали на водку. А когда исправникъ «окупилъ» такимъ способомъ вѣтеръ во всемъ уѣздѣ, то оказалось, что это вовсе не шутка. Онъ началъ съ того, что обложилъ налогомъ всѣ вѣтряныя мельницы и запретилъ строить новыя:

— Вѣтеръ—говорилъ онъ—мой. Я его купилъ. Значитъ, кто хочетъ моимъ вѣтромъ рожь молоть, тотъ пусть сначала аренду мнѣ заплатитъ. Чужой собственностью нельзя пользоваться даромъ и безъ разрѣшенія владѣльца.

Исправникъ былъ человѣкъ мелкій, и его смѣстили. Но если бы это была особа покрупнѣе, напр., губернаторъ, то, Богъ вѣсть, какой оборотъ приняло бы дѣло о покупкѣ вѣтра. Возможно допустить, что какой нибудь баронъ, графъ, либо князь былъ бы утвержденъ въ правахъ собственности и сталъ бы торговать вѣтромъ оптомъ и въ розницу, сдавъ въ аренду. И за пользованіе вѣтромъ безъ разрѣшенія «владѣльца» людей стали бы судить, какъ за воровство.

Спиртные напитки постигла судьба вродѣ той, какая угрожала уфимскому вѣтру. Явилось соображеніе:

— Если объявить, что только мнѣ принадлежитъ право курить водку и только мнѣ принадлежитъ право торговать ею, то я могу получать большой доходъ, ибо водка всѣмъ необходима, и всѣ ее привыкли пить.

У кого впервые явилось это соображеніе, сказать трудно. Полагаютъ, что оно принесено въ Русь татарами. Дѣйствительно, татарскіе ханы, называвшіе себя также «царями», считали, что только они имѣютъ право приготовлять и продавать спиртные напитки. У татаръ

хмельное продавалось обыкновенно въ постоялыхъ дворахъ (или, по татарски: «кабакахъ» и оттого постоялые дворы назывались у нихъ «ханскими кабаками» «царскими кабаками»). Ханы либо сажали въ кабакахъ торговать своихъ чиновниковъ, либо сдавали право кабацкой торговли въ аренду откупщикамъ. Однако, мы не знаемъ, сами ли татарскіе ханы додумались до этого, или ихъ навели на эту мысль русскіе князья. Извѣстно, напр., что въ Галицкой Руси, еще до прихода татаръ, сдавалось въ откупъ право торговли водкою и вообще спиртными напитками. Извѣстно далѣе, что въ Византійской (греческой) имперіи право на торговлю спиртными напитками также сдавалось въ аренду откупщикамъ. А такъ какъ христіанство проникло къ намъ изъ Византіи, то возможно, что именно греческое духовенство объяснило русскимъ князьямъ, какой большой доходъ можетъ давать водка. А, стало быть, возможно и то, что русскіе заимствовали мысль о «царевыхъ кабакахъ» у грековъ, татары у русскихъ, а потомъ, послѣ сверженія татарскаго ига, «царевы кабаки» возродились въ Россіи. Несомнѣнно, лишь, что во-первыхъ, слово, «кабакъ» татарское, а во-вторыхъ, въ Московскомъ государствѣ еще при царѣ Иванѣ Грозномъ кабаки были правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ былъ таковъ:

Курить вино, а также приготовлять другіе спиртные напитки имѣетъ право только государь, либо тѣ, кому государь укажетъ или позволитъ. Продавать вино и вообще спиртные напитки можетъ также лишь государь, либо тотъ, кому государь укажетъ или позволитъ. Продажу спиртныхъ напитковъ разрѣшалось производить только изъ особыхъ учрежденій, называемыхъ кабаками. При чемъ весь доходъ отъ продажи поступаетъ, обыкновенно, въ царскую казну. Куда расходовались эти деньги, сказать затруднительно. Извѣстны случаи, когда кабацкіе доходы употреблялись царями для личной надобности или для надобностей царской семьи. Напр., въ 1615 г. на потребеніе иночествовавшей царицы Александры царь Михаилъ Θеодоровичъ повелѣлъ—взять изъ кабацкихъ денегъ 50 рублей*). Полагаютъ, однако, что кабацкія деньги употреблялись также и для государственныхъ надобностей.

Кромѣ кабаковъ царскихъ, были кабаки «жалованные». Жаловалъ государь кабаками довольно часто монастыри, т. е. монастыри получали право содержать кабакъ и пользоваться съ него доходомъ. Напримѣръ, пользовался большой извѣстностью кабакъ Макарьевскаго монастыря (на Волгѣ, близъ села Лыскова). Объ этомъ кабакѣ намъ еще придется говорить. Былъ пожалованный кабакъ Новоіерусалимскаго монастыря, любимаго патріархомъ Никономъ; кабаки Троице-Сергіевской лавры и многихъ другихъ обителей. За монастырями было признано также право курить вино. Право это сохранялось очень долго. Даже въ 1866 г., т. е. уже при Александрѣ II, было подтверждено, что «вареніе пива, меда и

*) Надо помнить, что въ старину деньги были гораздо дороже, чѣмъ теперь.

браги въ корчагахъ и котлахъ, исключительно для монастырскихъ нуждъ, дозволяется производить безъ акциза всѣмъ монастырямъ».

Еще чаще жаловались кабакамъ дворяне и бояре и вообще близкіе къ царю люди. Напр., царь Иванъ Грозный пожаловалъ одинъ кабакъ въ Москвѣ своимъ опричникамъ. Царь Ѳедоръ, сынъ Ивана Грознаго, пожаловалъ боярину Шуйскому псковскіе кабаки, т. е. Шуйскій получилъ право открывать кабаки въ Псковѣ и получать себѣ доходъ отъ нихъ. Это было великою милостью, которой добивались всѣ бояре. Въ смутное время этою жадностью къ кабацкимъ доходамъ воспользовался Польскій король Сигизмундъ. Посуливъ боярамъ и дворянамъ кабаки, онъ добился того, что его сынъ Владиславъ былъ избранъ царемъ на русскій престолъ (народъ, конечно, въ этомъ собраніи не участвовалъ). И надо сказать правду: Сигизмундъ выполнилъ свое обѣщаніе: онъ пожаловалъ боярамъ нѣсколько сотъ кабаковъ. А нѣкоторые изъ тѣхъ, кого Сигизмундъ обдѣлилъ, обидѣлись, признали царемъ тушинскаго самозванца, и за это самозванецъ тоже жаловалъ кабаками. И каждый изъ пожалованныхъ старался поддерживать того «царя», отъ котораго получали выгоду. Въ концѣ концовъ дворяне добились исключительныхъ правъ. Екатериною II былъ установленъ законъ: «вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ, а прочимъ никому». И дворянамъ же было предоставлено преимущественное право содержать кабакъ. И они держались этого права, даже принявши духовный санъ. Между прочимъ, уже при Александрѣ I въ 1819 г. возникъ вопросъ: имѣютъ ли право духовныя лица изъ дворянъ «держать кабаки?» Вопросъ этотъ разсматривался государственнымъ совѣтомъ. И совѣтъ разсудилъ такъ: съ одной стороны, 6-й вселенскій соборъ воспретилъ содержать «корчемницы» даже церковнымъ причетникамъ; тѣмъ паче нельзя имѣть кабаки іереямъ, архимандритамъ и архіереямъ; а съ другой стороны, никакъ нельзя лишать дворянина хотя бы и принявшаго духовный санъ, дворянскихъ правъ. Поэтому было рѣшено: если дворянинъ состоитъ только причетникомъ, то онъ можетъ самъ торговать въ своемъ кабакѣ; а если дворянинъ достигъ сана высшаго напр., іеромонаха, схимонаха, архимандрита, архіепископа, то онъ долженъ свой кабакъ сдать въ аренду или въ откупъ, а самъ въ немъ торговать не можетъ. Курить же вино дворянинъ во всякомъ случаѣ можетъ, хотя бы онъ достигъ сана митрополичьяго *).

Взглядъ, что дворянство имѣетъ особыя права на доходъ отъ водки, установился твердо. Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣли заботы правительства объ увеличеніи дохода дворянскихъ винокуренныхъ заводовъ, когда вводилась министромъ Витте нынѣ существующая «казеная винная монополія». Здѣсь же напомнимъ лишь слѣдующее. При Александрѣ III и Николаѣ II, когда Витте вводилъ монополію, возникъ вопросъ, какъ быть съ доходами, которые полу-

*) Это постановленіе Государственнаго Совѣта я заимствую изъ книги Ивана Прыжова. „Исторія кабаковъ въ Россіи, въ связи съ исторіей русскаго народа“.

чаютъ сельскія общества и дворяне. Послѣ уничтоженія крѣпостного права, когда установилась «вольная» торговля водкой, сельскія общества за разрѣшеніе цѣловальнику на открытіе кабака назначали особую плату. Благодаря этому общественному налогу, крестьяне получали съ кабатчиковъ крупную сумму. По разсчету профессора Ходскаго, во всей Россіи собиралось сельскими обществами ежегодно 12 — 15 милліоновъ рублей. Деньги эти шли на разныя общественныя нужды и, между прочимъ, на постройку школъ. Но во многихъ мѣстахъ разрѣшеніе на открытіе кабаковъ зависѣло только отъ дворянъ. Это право дворянъ открывать кабаки и брать аренду съ кабатчика называлось «пропинаціоннымъ правомъ». И вотъ правительство разсудило такъ: сельскія общества должны быть лишены того дохода, который они имѣютъ отъ кабатчиковъ, что же касается дохода дворянъ, то его надо признать частною собственностью; а такъ какъ частная собственность священна и неприкосновенна, то за уничтоженіе пропинаціоннаго права дворянамъ должно быть выдано изъ казны «справедливое вознагражденіе». Такимъ образомъ у крестьянъ былъ доходъ отнятъ, а дворяне получали нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Вообще доходами отъ продажи водки награждались лишь тѣ сословія, которыя помогаютъ правительству укрѣплять самодержавіе и держать народъ въ повиновеніи. Такими наградами правительство объединяло себя съ духовенствомъ и дворянами. Царь Василій Шуйскій сталъ жаловать и купцовъ на куреніе вина. Нѣкоторыя купеческія фамиліи получили царскія грамоты на это. Но дворяне очень были недовольны такою льготою «неблагородному сословію». Они добились своего, хотя и не скоро. Въ 1759 году императрица Елизавета велѣла «купеческіе винокуренные заводы уничтожить». На счетъ же крестьянъ въ законѣ, напр., царя Алексѣя Михайловича сказано было твердо и ясно: буде крестьяне учнутъ вино курить и продавать, у тѣхъ крестьянъ сѣчь (т. е. отсѣкать) руки и ссылать въ Сибирь.

Въ общемъ, при Иванѣ Грозномъ и слѣдующихъ за нимъ царяхъ (Өедорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Өедорѣ Годуновѣ, Василіи Шуйскомъ, Михаилѣ Өедоровичѣ Романовѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ Романовѣ), дѣло стояло такъ:

1) были особые, такъ сказать, царскія винокурни, о которыхъ рѣчь впереди; затѣмъ были винокурни монастырскія, боярскія, дворянскія и очень немного купеческихъ; крестьянамъ курить вино строго воспрещалось.

2) были кабаки монастырскіе и боярскіе. Главнымъ же образомъ спиртные напитки продавались изъ кабаковъ царевыхъ. Для управленія царскими кабаками при Алексѣѣ Михайловичѣ существовали особые «приказы»: приказъ большого дворца и приказъ большой казны. Всего царевыхъ кабаковъ было, говорятъ, около 1.000. Нѣкоторые кабаки давали царской казнѣ въ годъ 10—12 тысячъ рублей по-

хода. Со всѣхъ же кабаковъ, какъ думаютъ, получалось милліона два *). Но за правильность этой цифры поручиться нельзя. Несомнѣнно лишь, что доходы были очень значительны. Посмотримъ, откуда они брались.

ГЛАВА III.

ПОСТРОЕНІЕ КАБАКА.

Теперь нетрезвому человѣку, если онъ проситъ милостыни, нерѣдко въ насмѣшку говорятъ:

—Подайте, Христа ради, на построеніе кабака.

Было, однако, время, когда дѣйствительно приходилось просить Христа ради на построеніе кабака. И люди не смѣялись надъ этими словами, а наоборотъ, живо соболѣзновали тому, кто говорилъ ихъ, и подавали на построеніе кабака такъ же усердно, какъ нынѣ подаютъ, напримѣръ, погорѣльцамъ. Дѣло въ томъ, что лишь говорилось: «кабакъ великаго государя московскаго», но кабаки строилъ вовсе не царь. Отъ царя только присылался приказъ: «построить кабакъ». А самую постройку населеніе обязано было производить своими средствами и за свой счетъ. Кромѣ того, само населеніе обязано было доставить въ кабакъ вино, т. е. или построить винокурню, или подрядить винокуровъ. Это также на свой счетъ. Затѣмъ населеніе обязано было выбрать «вѣрнаго человѣка» для торговли въ кабакѣ. Этотъ вѣрный человѣкъ, обыкновенно давалъ присягу не утаивать доходовъ и полностью передавать ихъ въ царскую казну. Отсюда и названіе «цѣловальникъ», т. е. кабацкій торговецъ цѣловалъ крестъ и Евангеліе въ подтвержденіе своей присяги. Но присяга была лишь для формы. А на дѣлѣ за своего выборнаго отвѣчало опять таки населеніе. То-есть, если выборный цѣловальникъ растратилъ выручку, или не внесъ въ царскую казну столько, сколько назначено царемъ, то всю недостачу взыскивали съ населенія. Въ приказахъ объ открытіи кабаковъ такъ и писалось: «а буде явится остановка какая нибудь, или выберете дурныхъ людей, или учините какой-нибудь убытокъ, то быть вамъ въ опалѣ и во всякомъ разореньи». Недостающая выручка, обыкновенно, разверстывалось. И кто не платилъ наложенной на него доли, того «ставили на правежъ», т. е. выводили на площадь, раздѣвали и били палками до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ. Отъ правежа могли избавиться лишь дворяне. Дворянинъ имѣлъ право вмѣсто себя поставить на правежъ своего холопа.

Бывало, что хоть воеводскіе служители и усердно бьютъ неисправнаго плательщика, а онъ все-таки не платитъ. На этотъ случай воеводы имѣли приказъ: «если людишки на правежѣ начнутъ отставаться и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы

*) Еще разъ напомню, что это по тогдашнему счету. На нынѣшнія же деньги выйдетъ разъ въ 25—30 больше

ихъ, имѣнія, лавки отписать на великаго государя». Такимъ образомъ, поступленіе въ казну кабацкаго дохода было обезпечено.

Но вотъ, положимъ, населеніе построило кабакъ, поставило вино, выбрало цѣловальника. Началась торговля. Цѣловальнику надо во что бы то ни стало продать какъ можно больше, чтобы собрать, сколько нужно, въ царскую казну. Отъ царей на этотъ счетъ приказы были рѣшительные. Цѣловальнику вмѣнялось въ обязанность «дѣйствовать безстрашно, за прибыль ожидать государевой милости и въ томъ никакого себѣ опасенія не держать, а питуховъ не отгонять»

«Питухи»—по нынѣшнему, пьяницы. Ихъ прежде всего надо было привлечь къ кабаку: иначе какая же торговля? Въ Москвѣ строго за этимъ слѣдили. Одному цѣловальнику, который жаловался: «въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало», было отвѣчено: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало».

Въ городѣ Орловѣ въ 1681 году кабакъ, по причинѣ неурожая и скотскаго падежа, не довыручилъ восьми рублей за годъ, а цѣловальники пожаловались, что питуховъ стало меньше; въ отвѣтъ царемъ велѣно было произвести строгое дознаніе. Въ Бѣлозерскѣ въ 1677 году случился недоборъ по той же причинѣ («люди оскудѣли, и питуховъ было мало»); отъ царя вышелъ приказъ произвести повальный обыскъ. Попадали, конечно, въ цѣловальники и ловкіе люди, которые умѣли спаивать народъ. Напр., въ Верхотурьѣ одно время водворилось повальное пьянство. Пьянствовали «служилые люди, стрѣльцы, казаки, ямщики, пашенные крестьяне». Всѣ стали «питухами». «Крестьяне отъ кабака одолжали и обнищали». Служилые люди, стрѣльцы и казаки, чтобы добывать денегъ на выпивку, впали въ тяжелое лихоимство. Обо всемъ этомъ воеводы Барятинскій и Языковъ въ 1623 году донесли царю. «Унимать не смѣемъ,—писали они,—боясь казацкаго недобора». За это воеводамъ данъ былъ выговоръ:

«То вы пишете,—говорилось въ царскомъ указѣ,— не радѣя о нашемъ дѣлѣ.... Кабакъ, вѣдь, заведенъ не вчера, а давно... И до васъ много воеводъ перебывало въ Верхотурьѣ, но никто изъ нихъ о томъ кабакѣ намъ не писалъ, а вы, вмѣсто того, чтобы искать передъ прежнимъ прибыли, хотите и старое потерять... У васъ въ Верхотурьѣ не одни служилые люди пьютъ, а есть много пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири, и поэтому кабакъ уничтожить нельзя... Поручаемъ смотрѣть накрѣпко, чтобы доходы передъ прежними годами собраны были непремѣнно съ прибылью.»

Черезъ 5 лѣтъ новымъ указомъ было подтверждено:

«Чтобъ нашему верхотурскому кабаку и нашей казнѣ недобора не было».

Наравнѣ со служилыми людьми спаивалось и духовенство. «Питуховъ» изъ духовныхъ лицъ нашлось не мало. Въ Шуѣ, напр., въ одно время подвизались дьяконъ соборный Ларіонъ, попъ Григорій, пономарь, да старецъ шуйскаго монастыря Савватей. О нихъ жалова-

лись, что «пономарь все пьянъ валяется», дьяконъ либо въ кабакѣ, либо, приходя къ собору, и днемъ и ночью въ колокола, ради пьяной забавы, бьетъ, попъ Григорій въ пьяномъ видѣ по улицамъ бродитъ, «мужской и женскій полъ бранитъ», срамныя части тѣла всѣмъ показываетъ и озорничаетъ, а старецъ Савватей «на кабакѣ пьетъ, иноческое съ себя пропиваетъ и зернью играетъ».

Для спаиванія употреблялось много средствъ. Во-первыхъ, цѣловальники заводили при кабакахъ игры въ карты, въ зернь (т. е. въ кости). И такимъ образомъ, кабакъ превращался въ игорныя притоны. Игры въ царевомъ кабакѣ не считались дѣломъ позорнымъ. Наоборотъ, онѣ поощрялись. Такъ, соликамскому кабацкому головѣ Андрiяну Жданову была выдана награда за хорошую выручку «отъ вина и картъ».

Во-вторыхъ, при кабакахъ или по близости отъ кабаковъ устраивали помѣщеніе для продажныхъ женщинъ. Въ Москвѣ къ этому относились, какъ къ неизбѣжному злу. Правда, въ царской грамотѣ 1623 года двинскому воеводѣ рѣшительно осуждаются тѣ монастыри, которые при своихъ кабакахъ «женокъ держатъ». «Оттого—писалъ царь Михаилу Өедоровичу—святому мѣсту и царскому богомолью чинится позоръ великій». Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о монастырскихъ кабакахъ. Того же, что цѣловальники царевыхъ кабаковъ устраиваютъ публичные дома, царское правительство старалось не замѣчать.

Въ-третьихъ, въ кабакѣ каждый осѣдлый житель имѣлъ возможность получить водку и подъ закладъ и даже безъ заклада—просто въ долгъ. Человѣку стоило лишь одинъ разъ напиться. А когда онъ приходилъ опохмелиться, ему давали водки, сколько хотѣлъ, не спрашивая денегъ. Долгъ кабаку считался долгомъ государю. И каждаго, кто не платилъ добровольно кабацкаго долга, ставили на правежъ. А если и правежъ не помогалъ, то имущество должника отбиралось въ пользу государя. Если же имущества не хватало, то кабацкій долгъ взыскивался со всего общества, къ которому должникъ былъ приписанъ. Вообще кабацкіе долги взыскивались строго. «Я — доносилъ, напр., цѣловальникъ Андрей Образцовъ государю Михаилу Өедоровичу, —никому не норовилъ, правилъ (т. е. взыскивалъ побоями) твои государевы доходы нещадно; побивалъ на смерть». Съ такой же, кстати замѣтимъ, нещадностью «правились» долги съ монастырскихъ кабаковъ. Между прочимъ, объ одномъ изъ сборщиковъ Троице-Сергіевской лавры Семенѣ Ивановѣ сохранилось такое свѣдѣніе.

Пріѣхалъ онъ въ монастырскую деревню (6 мая 1679 г.)) Собралъ міръ и сборныхъ цѣловальниковъ, поставилъ ихъ на правежъ и цѣловальника Моисея Өедорова билъ полѣномъ безъ милости, всего избилъ до самаго увѣчья, причемъ говорилъ: «дай мнѣ полведра вина, а не дашь—прибью до смерти, не что мнѣ сдѣлаешь». Избивъ его, онъ укралъ у него рубль денегъ. На сборщика была подана жалоба Лаврѣ. Лавра на жалобу отвѣтила:

— А вы бы, крестьяне, деньги платили. Тогда бы васъ и не били.

Каждый, кто попадалъ въ царевъ кабакъ, находилъ здѣсь «раз-

ливанное море». Здѣсь шелъ нескончаемый кутежъ, здѣсь же были азартныя игры; игроки, въ конецъ спившіеся пропойцы, воришки бродяги, публичныя женщины, все это ютилось въ кабакѣ и жадно набрасывалось на новичка. Вотъ почему порядочные люди избѣгали заходить въ кабакъ. Одни просто изъ стыда. Другіе изъ боязни, такъ какъ въ кабакахъ старались спаивать людей, а нерѣдко и грабили. Среди кабацкихъ пропойцъ были мастера обольстить человѣка и напоить пьянымъ. А пьяный поступалъ въ полное распоряженіе цѣловальника. Въ одномъ московскомъ наказѣ цѣловальникамъ, между прочимъ, говорится, какъ надо поступать съ пьяными:

«А которые питухи озадорятся и напьются пьянствомъ безобразнымъ,... такихъ унимать и, обобравъ его всего, въ особый чуланъ, чтобъ проспался, положить, а какъ проспится, по книгѣ смотря, наказать его словами, или высѣчь батожьемъ, все отдать ему въ цѣлости, а взять только по правдѣ, сколько онъ пропилъ». По какой «правдѣ» могъ брать цѣловальникъ — пояснять нѣтъ нужды. Онъ, вѣдь, имѣлъ власть высѣчь проспавшагося батогами. И обобранному человѣку оставалось лишь уйти по добру по здорову, пока его не стали бить.

Кабакъ былъ страшное мѣсто. И не даромъ народъ рѣшался самому царю писать, что «подлѣ государева кабака жить не мочно». И не даромъ цѣлыя села порою умоляли: лучше обложите насъ всѣхъ дополнительнымъ оброкомъ, только закройте ради Бога кабаки. Но царь на это, обыкновенно, не соглашался. И это понятно. По оброку неизбѣжны недоимки. Оброкъ — дѣло замѣтное. Неловко, стыдно назначать его свыше мѣры. А кабацкій доходъ безъ недоимокъ. Кабакъ добывалъ денегъ вѣрнѣе всякаго налога. И въ то же время позволялъ говорить:

— Народъ не обиженъ, налоги у насъ не чрезмѣрны. А что въ кабакахъ много пропивается, — въ этомъ виноватъ народъ, зачѣмъ пьянствуетъ?

ГЛАВА IV.

КАБАЦКОЕ РАЗОРЕНІЕ.

Не надо, однако, думать, будто, построивши кабакъ и посадивши въ немъ цѣловальника, населеніе могло успокоиться. Наоборотъ, построеніе кабака было лишь началомъ невзгодъ. И чѣмъ оборотливѣе оказывался цѣловальникъ, чѣмъ больше онъ умѣлъ привлекать «питуховъ», тѣмъ больше напастей грозило населенію. Дѣло въ томъ, что если кабацкій доходъ былъ значителенъ, то имъ хотѣли воспользоваться и монастыри, и дворяне, и воеводы, и всякаго рода иной—чиновный и не чиновный людъ.

У монастырей были свои кабаки. И когда вблизи царева кабака находился монастырскій, то естественно, монастырь стремился перетянуть питуховъ на свою сторону. И если монастырскому цѣловальнику это удавалось,то «недоборъ» по царскому кабаку должно было платить само населеніе. Вотъ почему между монастырями и населеніемъ нерѣ-

ко возникали не только тяжбы, но и междоусобныя драки. Для примѣра разскажу вкратцѣ о враждѣ между селомъ Лысковымъ и Макарьевскимъ монастыремъ. Лысково на правомъ берегу Волги; и въ немъ былъ царевъ кабакъ; а Макарьевскій монастырь насупротивъ, на лѣвомъ берегу Волги, и тамъ же первоначально находился монастырскій кабакъ. Но потомъ монастырь соблазнился доходами царева кабака, построилъ на правомъ берегу Волги возлѣ Лыскова пустынь, а возлѣ пустыни новый кабакъ. Въ этотъ кабакъ, разумѣется, ушла часть «питуховъ» изъ Лыскова. А такъ какъ селу отъ этого грозилъ «недоборъ», то между монастырскими людьми и лысковцами начались безконечныя ссоры и драки. Монастырь то и дѣло посылалъ въ Москву доносы на Лысковскихъ цѣловальниковъ. А лысковцы жаловались на монастырь. Въ старину же никакая жалоба не обходилась безъ взятокъ. Взятки, или, какъ ихъ прежде называли, «поминки», платилъ московскимъ приказнымъ монастырь; платило «поминки» и село. Приходилось платить «поминки» и воеводѣ, и сотникамъ, и всякому иному «начальству». Одно время Лысковцы ублаготворили воеводу поминками щедрѣе, чѣмъ монастырь. И воевода лично пріѣхалъ водворить порядокъ. Онъ явился въ монастырскій кабакъ и переловилъ «питуховъ», какіе тамъ были, подъ тѣмъ предлогомъ, что они «бѣглые холопы». Такимъ образомъ, лысковцы взяли верхъ. Но вслѣдъ затѣмъ монахи отправили щедрыя «поминки» въ Москву. И изъ Москвы былъ посланъ водворить порядокъ нѣкій дворянинъ Мостининъ. Онъ запретилъ лысковцамъ перебивать торговлю монастырскому кабаку. Сельчане не выдержали. Вооружились топорами и дубинами, взяли приступомъ монастырскій посадъ Крестцы (нынѣ городъ Макарьевъ) и монаховъ частью убили, частью изувѣчили. Распря эта велась очень долго. И прекратилась окончательно лишь тогда, когда монастырскіе кабаки велѣно было закрыть, а царевы были отданы въ откупъ купцамъ Расторгуевымъ.

Дворяне также открывали свои кабаки возлѣ царскихъ. А если дворянинъ не имѣлъ права на кабакъ, то открывалъ «квасную лавку» въ которой подъ видомъ квасу продавалась водка. Бороться съ этою бѣдою населеніе не могло, такъ какъ дворяне и бояре были люди властные. И жаловаться на нихъ порою было не только безполезно, но и прямо таки опасно. Всѣ чиновники были изъ дворянъ и бояръ и другъ друга, разумѣется, поддерживали. Впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, дворяне, между прочимъ, добились, чтобы, напр., крѣпостнымъ было запрещено жаловаться. И каждая такая жалоба стала разсматриваться, какъ государственное преступленіе. И когда крестьяне пожаловались, напр., на помѣщиковъ Лопухина, Леонтьева и Толстого, то царица Екатерина II приказала всѣхъ жалобщиковъ поголовно высѣчь плетьми, а затѣмъ, если Лопухинъ, Леонтьевъ и Толстой пожелаютъ, сослать въ Нерчинскъ на каторгу (для работъ «на земляхъ Кабинета Ея Величества»). Жалобу же велѣно было не разсматривать. Въ ней говорилось не о кабакахъ, но случай этотъ показываетъ, къ чему могли привести жалобы на сильнаго человѣка. Этою безнаказанностью пользовались всѣ.

кому не лѣнь. Сибирскіе воеводы, напр., не стѣсняясь, заводили собственную торговлю, а въ царскихъ кабакахъ иной годъ ни единаго ведра продавать не позволяли. Между прочимъ, когда Сибирь была завоевана, то на сибирскихъ народцевъ цари наложили особую дань—ясакъ. Ясакъ все время шелъ въ личную собственность государя. И вотъ, когда бывало народцы эти привозили ясакъ, то воеводы посылали имъ навстрѣчу водку; посланцы воеводскіе подпаивали довѣрчивыхъ дикарей, и тѣ пропивали весь ясакъ. А затѣмъ, когда все пропито, воеводы приказали взыскивать царскую дань, и такимъ образомъ дикари лишались всего своего добра.

Сибирь, впрочемъ, далеко. И тамъ каждый, власть имущій, дѣлалъ, что хотѣлъ. Но вотъ, напр., что было близъ Москвы, въ городѣ Коломнѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Здѣсь «служилые люди» открыто торговали водкою сначала на улицахъ и базарахъ. А затѣмъ стали приходить прямо въ царевъ кабакъ и продавали здѣсь свою водку. Цѣловальники пригрозили пожаловаться. Отвѣтъ на угрозы не замедлилъ. 6 декабря 1653 года служилые люди съ солдатами пришли въ царевъ кабакъ, стали «ломать поставы и питье кабацкое лить..., а цѣловальника Абакума Ремешникова да работника Иванку Долгова убили, пробивъ имъ головы до мозгу и руки и ноги переломали». Конечно, жители понимали что за «недоборъ» въ кабакъ имъ придется платить изъ своего кармана. Поэтому нѣкоторые старались покупать водку у цѣловальниковъ. «Служилые люди» и противъ этого нашли средство. Они поставили около кабака солдатъ, а солдатамъ приказано купленное у цѣловальника вино отнимать и выливать на землю.

Такъ было, повторяю, близъ Москвы, въ Коломнѣ. Да и въ самой Москвѣ водку, помимо кабака, продавали солдаты, стрѣльцы, дьяки, подъячіе и всякій иной приказный людъ. Возлѣ самаго царскаго дворца въ земскомъ приказѣ была устроена продажа водки. «Служилые люди» продавали ее и чарками, и ковшами, распивочно и навыносъ, а пьяныхъ обыгрывали въ карты и даже прямо грабили. Отъ этого въ царевыхъ кабакахъ былъ недоборъ. Но онъ взыскивался съ населенія.

Далѣе, великую напасть населенію могъ причинить всякій вообще кулакъ и міроѣдъ. Такъ, въ 1622 году въ Угличѣ объявился нѣкій Пашинъ. Онъ написалъ царю Михаилу Ѳедоровичу, что обѣщается наторговать въ кабакѣ много прибыли. Москва этому обѣщанію обрадовалась. И угличанамъ велѣно было отдать кабакъ Пашину, а въ помощь ему выбрать цѣловальниковъ. Добившись своего, Пашинъ откровенно заявилъ горожанамъ:

— Обѣщался я собрать въ царскую казну 1.300 руб. Если чего не наберу, то запишу въ долгу за вами.

А должниковъ, какъ я уже говорилъ, ставили на правежъ... Черезъ годъ угличане слезно жаловались царю, что Пашинъ разорилъ ихъ въ конецъ. Не трудно сообразить, къ чему вела эта московская готовность пользоваться всякимъ предлогомъ, чтобы повысить кабацкую выручку. Населеніе вынуждено было откупаться отъ всякаго, кто грозилъ: «а

вѣтъ я посулю государю выручить больше, чѣмъ вашъ цѣловальникъ, и тогда вы меня будете знать...».

Наконецъ, много горя причиняли и цѣловальники. Порядочные люди на эту должность не шли. Бывали случаи, что человѣкъ, которому грозила участь попасть въ цѣловальники, убѣгалъ изъ родныхъ мѣстъ и скрывался, невѣдомо гдѣ. Поэтому выбирали, обыкновенно, либо людей отпѣтыхъ, либо бѣдняковъ, которымъ некуда дѣться и нечего ѣсть. Выбранный совершенно отрывался отъ дома и хозяйства. Кабацкая торговля отнимала у человѣка все время съ утра до вечера. А между тѣмъ, жалованья цѣловальнику не полагалось. Казна разсуждала, что такъ какъ населеніе на свои средства строитъ царю кабакъ, то и содержать цѣловальника должно тоже населеніе. А населеніе считало, что такъ какъ цѣловальникъ служитъ царю, то и жалованье долженъ платить царь. Словомъ получалось, что если «цѣловальнику не украсть, то и хлѣба достать негдѣ». И пока цѣловальникъ изъ выручки «кралъ по-божьему», только «себѣ и дѣтямъ на пропитаніе» было полбѣды. Полбѣды было и то, что цѣловальникъ кралъ на взятки приказнымъ и воеводѣ. Безъ этого нельзя было обойтись, ибо если не дашь взятки, то приказные немедля найдутъ упущеніе, либо добьются повышенія кабацкой выручки. Хуже бывало, когда цѣловальникъ, захвативши съ собою всю выручку, скрывался. Тогда украденное имъ взыскивалось съ населенія. Но настоящее разореніе наступало, если цѣловальникъ предпочиталъ не красть сразу, а наживаться и богатѣть исподволь. Тогда онъ, дѣйствительно, могъ разорить народъ и пустить по міру цѣлыя села.

Дѣло въ томъ, что на цѣловальника возлагалось преслѣдовать «тайное корчемство», т. е. вольное куреніе водки. Для этого дѣла цѣловальнику полагалось имѣть особыхъ шпіоновъ, называемыхъ «корчемными сыщиками». Само собою разумѣется, что сыщики эти вовсе не мѣшали заниматься корчемствомъ воеводамъ, приказнымъ и вообще чиновному и сановному люду. «Власть имущихъ» цѣловальникъ «благоразумно» не трогалъ по пословицѣ: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись». Но бѣднякамъ было плохо. Цѣловальникъ и его сыщики имѣли право во всякое время придти въ любой домъ, произвести обыскъ, поломать печь (подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ водка замурована), исковеркать полы, потолки и даже стѣны, раздѣвать до нага женщинъ. Изъ Москвы отъ царя не разъ бывали приказы «корчемнаго питья не подметывать». Но та же Москва знала, что цѣловальники и сыщики отъ этого выгоднаго занятія не откажутся. Кто не соглашался откупиться отъ обыска, тому сыщики тайкомъ приносили на дворъ водку, ставили ее въ сѣняхъ, въ сараѣ, или еще гдѣ-либо, а затѣмъ цѣловальникъ являлся съ обыскомъ и, конечно, находилъ подброшенное... И обысканному оставалось или дать крупную взятку, или его уличали въ «корчемствѣ». А за это, какъ уже сказано было выше, полагалось отрубить руку и ссылка въ Сибирь. Точно также изъ Москвы иногда присылались приказы, чтобы цѣловальники «никого клепать не

учили». Однако, Москва хорошо знала, что «безъ поклона кабакъ не живетъ». Любой сыщикъ въ томъ же кабакѣ могъ нанять пропойцу, который готовъ былъ клясться и божиться, что такой-то или такой-то человѣкъ (на кого цѣловальникъ укажетъ) тайно торгуетъ водкой: «самъ де я у него нынче цѣлый штофъ купилъ». Оклеветанному оставалось лишь «откупиться», ибо въ противномъ случаѣ у него отрубали руку.

Повторяю, цари хорошо знали о цѣловальничьихъ продѣлкахъ (встарину всѣ вообще злоупотребленія назывались «воровствомъ»). Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, какъ человѣкъ благочестивый, подумывалъ даже о томъ, нельзя ли уменьшить «кабацкій грѣхъ». Собственно рѣчь шла не о томъ, чтобы уничтожить кабаки: отказаться отъ питейнаго дохода казалось дѣломъ невозможнымъ. И не о томъ шла рѣчь, чтобы избавить народъ отъ кабацкаго разоренія. По московскому правительству стало жалко цѣловальниковъ:

— Горестно, что цѣловальники воруютъ,—объяснялъ патріархъ намѣренія государевы.—Но ничего мы противъ этого сдѣлать не можемъ. И за этотъ свой грѣхъ цѣловальники передъ Господомъ Богомъ отвѣтъ держатъ. Но, вѣдь, цѣловальники присягу даютъ не воровать. Крестъ и Евангеліе въ томъ цѣлуютъ. Значитъ, присягу они нарушаютъ. И за этотъ грѣхъ нѣтъ ихъ душамъ спасенія.

Поэтому патріархъ предлагалъ—цѣловальниковъ къ присягѣ не приводить, «чтобы душевредства не было». Бояре же на это возражали:

— И съ присягою «было воровство многое, а безъ присяги опасно,—воровство будетъ больше прежняго».

Царь все-таки присягу отмѣнилъ. Но «воровство» началось такое, что черезъ два года присяга была возстановлена.

ГЛАВА V.

ПРИКАЗНАЯ СОВѢСТЬ.

Вообще царское правительство стыдливостью не грѣшило. О стыдѣ Москва сложила поговорку: «стыдъ не дымъ: глаза не выѣстъ». Не слишкомъ боялся московскій приказный людъ и грѣха. На этотъ счетъ сложилась другая поговорка: «грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ». Примѣръ тому, что стыдиться не слѣдуетъ, подавала верховная власть. Ея даже письменные приказы порою отличаются неслыханною откровенностью. Напр., воеводѣ Петру Горчакову было приказано: «приманить пелымскаго князя Аблегирима, да женъ его, да племянниковъ, да внучатъ, да лучшихъ людей его», внушить имъ, «чтобы они пошли безъ боязни къ государевымъ воеводамъ, государь-де ихъ пожалѣетъ», а когда «пелымскій князь и дѣти его придутъ за государевымъ жалованьемъ, то всѣхъ ихъ казнить». Точно также кузнецкому воеводѣ было приказано: «послать къ князю Айдарку служилыхъ людей, позвать его въ гости, ласково, а когда придетъ—повѣсить.

Таково же обращеніе было и съ народомъ. Пока народъ молчалъ и жилъ тихо, приказные неустанно грабили и обижали. Такъ шло, покуда терпѣніе народное не истощилось. То и дѣло въ Москвѣ и въ разныхъ частяхъ государства вспыхивали возстанія и бунты. Порою не только воеводамъ или боярамъ, но самому царю приходилось выходить къ бунтовщикамъ и вести переговоры съ ними. Бунтовщики жаловались на «московскую волокиту» и неправду, на то, что они «въ конецъ разорены» приказнымъ лихоимствомъ, и требовали, чтобы этого больше не было. Власти клялись, что онѣ неправду выведутъ съ русской земли. Обѣ стороны хлопали другъ друга по рукамъ въ знакъ договора. Потомъ въ знакъ примиренія цѣловались. И цѣловаться съ вожаками бунтовщиковъ опять таки приходилось не только воеводамъ, но порою и самому царю. А пока шли эти переговоры и лобзанія, въ толпѣ сновали сыщики и записывали «лучшихъ людей», изъ бунтовщиковъ. То-есть людей, которые замѣтно даровитѣе другихъ, умнѣе и вліятельнѣе. Послѣ «рукобитія» и лобызаній наступало, обыкновенно, временное успокоеніе. Власти старались не «раздражать народъ». А затѣмъ всѣхъ, кто былъ записанъ сыщиками, арестовывали, казнили, ссылали, и все начиналось по прежнему, до слѣдующаго бунта. Покойный писатель Николай Константиновичъ Михайловскій не даромъ сравнивалъ Россію съ крынкой молока, съ котораго постоянно снимаютъ сливки. Едва появлялись «народныя сливки», т. е. люди даровитые, преданные народу, способные руководить народомъ, власть старательно ихъ замѣчала и уничтожала, по евангельскому завѣту—«поражу пастыря, и разсѣются овцы». И народъ, лишенный лучшихъ своихъ людей, дѣйствительно, разсѣивался, какъ «овцы безъ пастыря».

Словомъ, цари не стыдились. При Алексѣѣ Михайловичѣ былъ даже такой случай. Цѣловальники стали жаловаться царю, что, пріѣзжая по дѣламъ службы въ Москву они до крайности разоряются, т. к. приказные умышленно задерживаютъ дѣла. Изъ-за этой «волокиты», — жаловались цѣловальники — приходится намъ давать приказнымъ большія взятки и харчами, и деньгами, приказные же, въ надеждѣ еще больше получить, устраиваютъ новую задержку, и оттого мы разоряемся въ конецъ. На эту жалобу въ 1660 году послѣдовалъ указъ: чтобы выборнымъ и цѣловальникамъ не страдать «лишній разъ отъ московской волокиты», пусть пріѣзжаютъ въ Москву только разъ въ годъ. Такимъ образомъ государственная власть, не стыдясь, признала «московскую волокиту», какъ нѣчто должное и законное.

Однако, кабацкое безобразіе было такъ велико, что даже московскимъ глазамъ, привыкшимъ бояться не стыда, а дыма, становилось неловко. Между прочимъ, при томъ же Алексѣѣ Михайловичѣ новопоставленный патріархъ Никонъ заговорилъ, что ужъ очень отъ кабаковъ срамъ великъ. Царь съ этимъ согласился. Было устроено 11 августа 1652 года совѣщаніе о кабакахъ. И затѣмъ послѣдовалъ такой царскій указъ:

«Совѣтывали мы съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ боярами,

и съ окольничими, и со всѣми нашими думными людьми о кабакахъ, и указали: во всѣхъ городахъ, гдѣ были до сего кабаки, быть по одному кружечному двору, а въ меньшихъ, гдѣ малолюдно, кружечнымъ дворамъ не быть... Продавать вино по одной чаркѣ и одному человѣку, а больше той указанной чарки не продавать, и на кружечныхъ дворахъ, и близко двора питухамъ сидѣть и питье продавать имъ не велѣно, и бражникамъ (пьяницамъ), и зернщикамъ (игрокамъ) на кружечномъ дворѣ не быть. По постамъ вина не продавать, священническій и иноческій чинъ на кружечный дворъ не пускать и вина имъ не продавать».

Казалось бы, такая грамота должна закончиться словами:

А по тому, молъ, рѣшено наложенный на кабаки царскій доходъ уменьшить.

Однако, указъ предписывалъ:

— Цѣловальникамъ сказать, чтобы имъ съ кабака собрать передъ прежнимъ съ прибылью».

То-есть, вина не продавай, а выручки больше. Иначе говоря, недовыученное должно быть уплачено населеніемъ. Казалось бы, далѣе, что и эта невзгода временная. Въ первые годы населеніе будетъ вынуждено платить кабацкаго «недобора» много. И затѣмъ прибыль отъ кабаковъ, конечно, будетъ уменьшаться; мало-по-малу опредѣлится, сколько при новыхъ порядкахъ кабакъ можетъ выручать. И съ этой цифрой московское правительство по неволѣ примирится. Тогда доходъ царской казны отъ кабака станетъ значительно меньше; за то и срама прежняго не будетъ. Въ Москвѣ быстро замѣтили эту опасность. И тотъ же Алексѣй Михайловичъ вскорѣ послалъ новый указъ: «питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не отгонять», чтобы «великаго государя казнѣ учинить прибыль». А когда цѣловальники жаловались: «въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало», изъ Москвы по прежнему посылался воеводамъ приказъ разслѣдовать: нѣтъ ли среди цѣловальниковъ хитрости и къ царской службѣ нерадѣнія. И если кто изъ постороннихъ докажетъ, что цѣловальникъ виноватъ, «то этимъ людямъ (доносчикамъ) дать царское жалованье по разсмотрѣнію, да имъ же (виновнаго) цѣловальника отдать животы и промыслы». Это значило, что цѣловальника по оговору доносчика брали и пытали, и если онъ подъ пыткой признавался, что былъ нерадивъ къ церковной службѣ, то все его имущество отдавалось доносчику. Такая участь грозила тому, кто выполнялъ царскій указъ 1652 года. Далѣе, патріархъ Никонъ добивался, чтобы въ малолюдныхъ городахъ кабаковъ не было. И, судя по указу 1652 г., добился этого. Однако тотъ же патріархъ Никонъ въ то же самое время выпросилъ кабакъ въ доходъ своего любимаго Новоіерусалимскаго монастыря въ малолюдномъ мѣстѣ на рѣкѣ Еколгѣ. Получилось такимъ образомъ слѣдующее. Если бы кто сталъ упрекать, положимъ, Никона кабацкимъ безобразіемъ, патріархъ могъ бы отвѣтить:

— Не виноваты мы въ этомъ. Наоборотъ, мы сами стараемся это безобразіе уничтожить. Не голословно говорю. Смотрите сами, какой былъ указъ посланъ. Но что же дѣлать, если народъ нашъ

строптивъ, непослушенъ, испорченъ, во грѣхахъ погрязъ. Нѣтъ у нашего народа ни стыда, ни совѣсти. Указовъ не слушаетъ. Оттого и безобразіе

Дѣло въ томъ, что указъ 1652 года былъ торжественный, «всенародный», о немъ на площадяхъ кричали. А другіе указы, противоположные ему, были не торжественные и никому неизвѣстные, кромѣ чиновниковъ. Поэтому иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Москву, предоставлялось думать: «какое въ Россіи благожелательное правительство и какой скверный народъ», а народъ думалъ: «въ Москвѣ дѣло по правдѣ рѣшаютъ, а вся бѣда отъ мошенниковъ воеводъ и приказныхъ, что они указовъ не исполняютъ». Впослѣдствіи эта манера дѣлить указы на настоящіе и общеизвѣстные была усовершенствована. И понемногу установился порядокъ, наблюдаемый нынѣ: во всеобщее свѣдѣніе издаются законы, а о томъ, какъ надо поступать, чиновникамъ разсылаются секретные указы или циркуляры.

Этимъ обычаемъ воспользовался, между прочимъ, и министръ Витте, когда вводилъ свою «казенную монополію». Онъ старался всѣхъ увѣрить, будто казенная торговля водкой устраивается съ единственной цѣлью —уменьшить «народное пьянство». И даже одновременно съ казенными кабаками завелъ такъ называемыя попечительства о народной трезвости. Попечительства эти существуютъ и по закону должны были стремиться къ сокращенію кабаковъ. Но когда крестьяне хотятъ «потрезвѣть» и приговоромъ просятъ закрыть въ ихъ селѣ «казенную винную лавку», правительство весьма этого не одобряетъ. На просьбы о закрытіи казеннаго кабака обыкновенно слѣдовалъ отказъ. А кое-гдѣ члены попечительства о народной трезвости—земскіе начальники разсматривали такой приговоръ, какъ бунтовщическое дѣяніе, и подписавшихся подъ приговоромъ сажали въ кутузку. Такъ было дѣло въ дѣйствительности. На бумагѣ же правительство всячески заботится объ уменьшеніи пьянства и всячески поддерживаетъ попечительства о трезвости.

Такую же показную «совѣстливость» обнаружили цари, когда самое слово «кабакъ» среди народа стало ругательнымъ и позорнымъ. Сохранять названіе: «царевъ кабакъ», было прямо таки неудобно. Тогда объявили, что уничтожаютъ «кабаки», т.-е. велѣли ихъ называть «кружечными дворами». Такимъ способомъ удалось убить сразу двухъ зайцевъ: съ одной стороны, позорный кабакъ былъ уничтоженъ на бумагѣ и каждый приказный дьякъ могъ говорить: «нѣтъ у насъ на святой Руси кабаковъ, а съ другой стороны доходы царскіе сохранились полностью, ибо кабаки остались по прежнему, только на нихъ перемѣнили вывѣску. Впрочемъ, названіе: «кружечный дворъ» тоже сдѣлалось ругательнымъ. Уже послѣ Петра Великаго, когда царствовала дочь его отъ Марты Скавронской Елизавета Петровна, было велѣно слова «кружечный дворъ» уничтожить, а называть кабаки «питейными домами», и при томъ не царскими питейными домами, а казенными. Еще позже, при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда и «питейный домъ» прославился, одинъ сановникъ, по фамиліи Мордвиновъ, предлагалъ новое названіе: «лавка продажнаго вина». Но объ этомъ рѣчь ниже.

ГЛАВА VI.

КАКЪ ИСЧЕЗЪ ЦАРЕВЪ КАБАКЪ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ между двумя русскими министрами С. Ю. Витте и И. Л. Горемыкинымъ возникъ споръ. Горемыкинъ убѣждалъ, что надо распространить земскія и городскія общественныя управленія для завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами (постройка дорогъ, мостовъ, больницъ, школьныхъ зданій и т. п.). А Витте убѣждалъ, что наоборотъ, земскія и городскія общественныя управленія не только нельзя распространять, но наоборотъ, надо существующія уничтожить. Вкратцѣ доказательства таковы:

— Въ Россіи верховная власть самодержавна. Она можетъ дѣлать все, не спрашиваясь, нравятся народу ея дѣйствія или не нравятся. Между тѣмъ, въ земствахъ и въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ люди дѣлаютъ не то, что имъ приказано, а то, что они сами находятъ болѣе правильнымъ. Отсюда выходитъ три неудобства. Во-первыхъ, выборные земцы, напр., рѣшая свои мѣстныя общественныя дѣла, естественно желаютъ, чтобы и государственныя дѣла рѣшались выборными людьми, а не единоличною властью государя. Во-вторыхъ, когда общественнаго управленія нѣтъ, населеніе разъединено и потому молчитъ, хотя бы распоряженіе начальства ему не нравилось. Каждый человѣкъ чувствуетъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, и потому не прекословитъ. А когда населеніе благодаря, напримѣръ, земству объединено, то оно уже чувствуетъ свою силу, и осмѣливается возражать не только противъ губернскихъ распоряженій, но и противъ министерскихъ циркуляровъ и даже противъ Высочайшихъ указовъ. Въ-третьихъ, съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ самодержавное правительство можетъ поступать, какъ угодно. Напримѣръ, Родичевъ самъ по себѣ, или Петрункевичъ самъ по себѣ могутъ быть по желанію начальства и казнены, и помилованы. Иное дѣло, если тѣ же Родичевъ и Петрункевичъ — выборные люди: напримѣръ, гласные губернскаго земства. Ихъ бы порою и хотѣлось наказать, но опасно, потому что могутъ выразить неудовольствіе всѣ избиратели. Значитъ, самое существованіе выборныхъ людей неизбѣжно ограничиваетъ самодержавіе, мѣшаетъ правительству всегда поступать такъ, какъ хочется. Витте вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что выборное земство гораздо лучше, чѣмъ чиновники, устраиваетъ дороги, больницы и все другое, необходимое для населенія. Но — говорилъ онъ — главную задачу правительства составляютъ не эти мелочи, а поддержаніе и укрѣпленіе самодержавія. Поэтому необходимо выборное начало уничтожить.

Доказательства министра Витте собраны въ написанной по его приказанію книгѣ: «Самодержавіе и земство». Горемыкинъ противъ этихъ доказательствъ ничего не могъ возразить. И одно время въ Россіи было рѣшено верховнымъ правительствомъ выборныя земства постепенно упразднить. Необходимо, однако, замѣтить, что встарину хорошо понимали, почему всякое мѣстное самоуправленіе и всякіе

выборы мѣшаютъ самодержавію. И, напр., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство исподволь уничтожало уцѣлѣвшій отъ былыхъ временъ обычай выбирать должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, уничтожились понемногу и выборные цѣловальники. Появились цѣловальники назначенные. И въ отличіе отъ прежнихъ, выборныхъ, ихъ велѣно было называть «бурмистрами». Эти бурмистры, или управляющіе кабаками, были, конечно, послушнѣе и удобнѣе выборныхъ цѣловальниковъ. Но они приносили и очень важное неудобство: населеніе, очевидно, не могло отвѣчать за дѣйствія назначеннаго чиновника, а слѣдовательно, и не обязано было платить изъ своего кармана въ случаѣ недовыручки въ кабакѣ, или если бурмистръ совершалъ растрату. Поэтому самъ собою возникалъ вопросъ:

— Какъ устроить, чтобы и цѣловальникъ былъ назначенный и чтобы народъ несъ за него отвѣтственность?

На первое время устроили такъ: бурмистра назначали, а когда онъ пріѣзжалъ на мѣсто, то производилось нѣчто вродѣ опроса: «нравится ли, молъ, вамъ, міряне, этотъ человѣкъ». Такой опросъ и считался выборами. Однако, сами бурмистры находили такой оборотъ дѣла неправильнымъ. Они считали себя чиновниками, или, какъ прежде выражались, «царскими холопами». Званіе же: «царскій холопъ», считалось почетнымъ и высокимъ. Выборныхъ людей правительство старательно принижало. Они не имѣли права называться «холопами». И назывались «сиротами». Тѣмъ не менѣе каждый бурмистръ считалъ, что онъ холопъ. Такъ онъ норовилъ подписываться и въ донесеніяхъ царю. Правда, царь запрещалъ это. Въ одномъ царскомъ указѣ гнѣвно сказано: «какъ смѣете вы писаться холопами, тогда какъ напредь сего писались сиротами? Кто послѣ этого будетъ писаться холопомъ, того будемъ бить нещадно». Но смѣшивать долго назначеніе съ выборами было неудобно. Выходило все-таки такъ, словно населеніе въ правѣ утверждать назначенное правительствомъ лицо. А, слѣдовательно, можетъ и не утвердить. Въ концѣ концовъ пришлось признать, что назначенный цѣловальникъ есть самый несомнѣнный «холопъ», и, стало быть, населеніе за него не отвѣчаетъ. А такъ какъ холопы воровали нещадно и возмѣщать украденное ими стало некому, то правительство нашло въ концѣ концовъ болѣе выгоднымъ для себя — сдавать кабаки на откупъ. Государынею Екатериной II откупные кабаки были распространены на всю Россію. То-есть право торговать водкой стало сдаваться на года съ торговъ. Кто больше далъ на торгахъ, положимъ, за право торговли въ Московской губерніи, тотъ становился московскимъ откупщикомъ. Онъ платилъ въ казну, сколько было условлено, открывалъ кабаки, велъ торговлю. И, конечно, наживалъ большія деньги. Прибыль откупщика была явною потерею казны. И внукъ Екатерины II Александръ I рѣшился снова ввести казенную торговлю водкой. 2 апрѣля 1817 года объ этомъ вышелъ Высочайшій манифестъ. Снова появилась казенная продажа питей, но на этотъ разъ оптомъ. Продажу же враздробь было предоставлено производить частнымъ ли-

намъ. Предполагалось, что при оптовой продажѣ воровства чиновничьяго не будетъ. Но въ дѣйствительности воровство началось страшное. Чтобы возмѣстить украденное, пришлось повысить цѣну на водку: вмѣсто 6 рублей за ведро было назначено 8 руб. Но и это не помогло. Доходы уменьшились. Наконецъ, преемнику Александра I Николаю I министръ финансовъ Канкринъ доложилъ: «Казенное управленіе (кабаками) показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по этой части обращаются непосредственно въ упрекъ правительству». И въ 1827 году «казенное управленіе» было уничтожено, и снова введенъ откупъ.

Выводъ, значитъ, такой:

— Старинную земщину, т. е. мѣстное самоуправленіе посредствомъ выборныхъ людей, правительству надо было уничтожить, такъ какъ она мѣшала самодержавію. Это удалось не сразу. Привычка рѣшать свои дѣла была у русскаго народа сильна. Она осталась отъ тѣхъ временъ, когда существовало вѣчевое устройство, т. е. когда народъ рѣшалъ всѣ дѣла, выбиралъ себѣ князя, а если князь поступалъ неправильно, то увольнялъ его. Но въ концѣ концовъ земщина была уничтожена. Все управленіе стало чиновничьимъ. Самодержавіе восторжествовало. Но это торжество привело, между прочимъ, къ необходимости отдать питейные доходы въ откупъ, ибо сдѣлалось невозможно, чтобы за растраты и недоборы цѣловальника отвѣчало все населеніе.

ГЛАВА VII.

ОТКУПЪ.

Въ послѣдніе годы царствованія государя Николая Павловича торговля водкой находилась въ рукахъ 216 откупщиковъ. Давали они казнѣ въ годъ дохода около 160 милліоновъ рублей. При чемъ по договору съ правительствомъ откупщикъ обязывался платить въ казну по 3 р. 75 к. за каждое ведро водки, а продавать ту же водку никакъ не дороже 3 р. ведро. (За продажу выше этой цѣны полагалось наказаніе). При чемъ откупщикъ долженъ былъ на свои средства содержать кабаки, платить жалованіе цѣловальникамъ и т. д. Получается нелѣпость: за что же откупщикъ платилъ казнѣ, если правительство обязывало его терпѣть на каждомъ ведрѣ 75 к. убытку? Однако это не нелѣпость. Ибо, въ дѣйствительности, откупщики, по приблизительному подсчету получали въ годъ не менѣе 500 милліоновъ рублей чистой прибыли. Да не меньше половины этой суммы высасывали изъ народа довѣренные, сидѣльцы, приказчики и прочіе служащіе откупщиковъ. Объясняется этотъ непостижимый фокусъ такъ.

Во-первыхъ, откупщики продавали вовсе не по 3 рубля ведро. На самомъ дѣлѣ водка продавалась по 8 и даже по 10 р., т. е. за бутылку откупщикъ бралъ не 15 коп., какъ было указано, а 40 и даже 50 коп. Правда, правительство въ своихъ газетахъ опублико-

вало, что откупщики, дескать, обязаны дороже 15 коп. за бутылку не брать. Но горе было простакамъ, которые этому вѣрили и являлись въ кабакъ съ требованіемъ отпускать водку по законной цѣнѣ. Съ такими «смутьянами» полиція расправлялась жестоко.

Во-вторыхъ, откупщики вмѣсто узаконенной водки продавали разбавленную водкой воду съ примѣсью чаще всего настойки изъ дурману, иногда табаку; примѣшивали также «для крѣпости» мѣдную окись и другія ядовитыя и одуряющія вещества.

Въ-третьихъ, не малый доходъ если не самому откупщику, то его многочисленной челяди, давало разыскиваніе такъ называемаго тайнаго вина. Дѣло въ томъ, что во владѣніи каждаго откупщика никто не имѣлъ права ввозить водку изъ сосѣднихъ мѣстностей. Поэтому, обыкновенно, откупщикъ имѣлъ право на всѣхъ дорогахъ и заставахъ ставить свою стражу и обыскивать проѣзжающихъ. На помощь откупщиковой стражѣ правительство отпускало солдатъ. Въ концѣ царствованія Николая I этой, такъ называемой, корчемной стражѣ жалованіе платилось частью изъ казны (изъ суммъ «земскаго сбора»). Подчинялась же она откупщику. Въ Малороссіи откупщикъ имѣлъ право не только обыскивать проѣзжающихъ, но и конвоировать ихъ «отъ одной заставы до другой, а если проѣзжающій останавливается на обѣдъ или ночлегъ, то учреждать за нимъ надзоръ». Дворянъ, чиновниковъ, духовныхъ лицъ «корчемная стража», обыкновенно, не трогала. Но крестьянамъ приходилось круто. Везутъ они, напримѣръ, въ городъ на рынокъ рожь, рыбу, пеньку или иное что. Около заставы—стой. Если дашь откупщику выкупъ, тебя пропустятъ безъ задержки. Не дашь—жди, пока тебя обыщутъ. Еще хуже было обозамъ, когда везли, напр., товаръ изъ Курска въ Москву или изъ Москвы въ Курскъ (желѣзныхъ дорогъ не было); приходилось на каждой заставѣ откупаться. Бывало и такъ, что кордонъ откупщика занимался прямо таки разбоемъ «на законномъ основаніи» и подъ охраною полиціи. Такъ, одно время стража нижегородскаго откупщика хватала на заставѣ проѣзжающихъ мужиковъ и обирала, а, если ничего не было обобрать, то надругалась. Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» былъ очевидцемъ такого надругательства: «пара лошадей бѣжитъ рысью, къ пустымъ санямъ веревкой привязанъ мужикъ и тоже, конечно, бѣжитъ, а верхомъ на мужикѣ сидитъ повѣренный откупщика и погоняетъ». (Моск. Вѣд. 1859г., № 34). А вотъ что нѣкоторое время продѣлывали откупщиковы стражники въ Харьковской губерніи. Въ мѣшокъ съ овсомъ они клали бутылку водки, и бросали на дорогѣ, передъ заставой. Проѣзжающій крестьянинъ подбиралъ, конечно, мѣшокъ и клалъ, ничего не подозрѣвая, на возъ. Около заставы его обыскивали, находили, разумѣется, въ овсѣ водку. И мужику приходилось либо сѣсть въ тюрьму, либо отдать откупщиковой стражѣ все, что у него есть.

Кромѣ того, откупщикова стража, по указанію хозяина или его повѣреннаго, имѣла право производить обыски въ домахъ. И у кого находили «тайную водку», тотъ попадалъ подъ судъ. Во что превра-

цались эти обыски, можно судить по слѣдующему случаю, бывшему въ той же Харьковской губерніи. Здѣсь одинъ богатый крестьянинъ игралъ свадьбу. Пользуясь этимъ, какой-то бѣднякъ забрался къ нему, на гумно, чтобы украсть намолоченнаго зерна. И вотъ, когда онъ насыпалъ свой мѣшокъ, то къ гумну подъѣхали откупщиковы люди, зарыли въ скирду боченокъ и, разговаривая во время этой работы, между прочимъ, упомянули: «обыскъ завтра въ обѣдъ». Какъ только они ушли, воръ отправился къ хозяину и чистосердечно разсказалъ, какъ было, и что видѣлъ. Хозяинъ былъ человѣкъ догадливый. Онъ тотчасъ же досталъ подброшенный стражею боченокъ. Водка была немедля выпита. А на другой день въ обѣдъ, дѣйствительно, явилась стража съ обыскомъ. Хозяинъ заявилъ:

— Добровольно обыскать не дамъ. А если хотите, давайте залогу 500 р. И я положу залогу 500 р. Если вы у меня найдете тайную водку, то берите мои деньги. А если не найдете, то я возьму ваши.

Стража, видимо, соблазнилась «заработать» 500 рублей и приняла это условіе. Деньги были внесены поручителемъ, и стражники приступили къ обыску. Боченка своего они, конечно, не нашли. Хозяинъ взялъ себѣ выигранные 500 р. И тутъ же при свидѣтеляхъ раскрылъ, какое мошенничество устраивала «корчемная стража».

Въ-четвертыхъ, откупщикамъ при Александрѣ I было дано право заводить «негласные кабаки», т. е. по просту дома разврата. Позже откупщики пользовались этимъ средствомъ наживы, такъ сказать, по обычаю.

Конечно, начальство обязано было (если вѣрить опубликованному закону) привлекать откупщика за всякое злоупотребленіе къ отвѣту. Но какъ исполнялась эта обязанность, можно судить по слѣдующему случаю. Въ селѣ Карамышевѣ, Медынскаго уѣзда, крестьяне вдругъ перестали пить водку. Встревоженный откупщикъ донесъ объ этомъ по начальству. Начальство не замедлило пріѣхать, согнало сходъ и приступило къ допросу:

— Почему вы не пьете водки?

— Такъ, не желаемъ,—отвѣтили крестьяне.

— Почему не желаете?

Нѣсколько крестьянъ вздумали объясниться откровенно:

— Вино—это одинъ разоръ хозяйству. Шутка сказать—восемь рублей ведро

Начальство сдѣлало видъ, что оно этого не слышитъ, ибо за такую цѣну по закону откупщика надо было наказать.

— Да и вино, то больно плохо—пожаловался одинъ мужикъ.—Хуже нашей воды.

На этотъ разъ начальство услышало. И «смутьянъ» подвергся строгому допросу:

— Какъ плохо?

— Да такъ плохо, какъ бываетъ плохо: животъ больно пучитъ

— Какъ ты смѣешь это говорить?!

И вслѣдъ затѣмъ «смутьянъ» получилъ въ ухо...

Почему «власти» мирволили откупщику, догадаться не трудно. Само министерство финансовъ въ концѣ-концовъ опубликовало, сколько платилъ ежегодно «нѣкій откупщикъ» взятокъ разнымъ чиновникамъ. Вотъ этотъ списокъ:

1) По губернскому городу: губернатору 3.000 р., канцеляріи губернатора 1.200 р., полиціймейстеру 1.200 р., секретарю полиціи 300 р., 3 частнымъ приставамъ 720 руб., 6 квартальнымъ 360 руб. исправнику 600 р., окружному 500 р., 3 становымъ 720 р., непремѣнному засѣдателю 300 р., секретарю земскаго суда 300 р., предсѣдателю казенной палаты 2.000 р., совѣтнику питейнаго отдѣленія 600 р., столоначальнику того-же отдѣленія 500 р., винному приставу 600 р.— Итого 13.000 р.

2) По уѣздному городу: городничему 420 р., секретарю полиціи 200 р., частному приставу 240 р., 2 квартальнымъ 120 р., исправнику 420 р., окружному 420 р., 3 становымъ 240 р., непремѣнному засѣдателю 240 р., на казенную палату 500 р., винному приставу 420 р.—Итого 3.700 р.

Въ этотъ списокъ, къ сожалѣнію, не вошли откупщиковы поминки архіереямъ и министрамъ. А безъ поминокъ и тамъ дѣло не обходилось. Знаменитый въ свое время откупщикъ Кокоревъ такъ понравился въ Петербургѣ министрамъ, что ему была предоставлена въ Орловской, напр., губерніи, «власть не стѣсняться». Всего же замѣтнѣе связь между откупщиками и «высшими правителями» обнаруживалась въ дѣлахъ объ обществахъ трезвости.

Однимъ изъ первыхъ за проповѣдь трезвости пострадалъ епископъ воронежскій Тихонъ, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ. Было это при Екатеринѣ II. 30 мая 1765 года откупщики по случаю праздника выкатили на площадь бочки съ виномъ и началось поголовное спаиваніе народа. Преосвященный Тихонъ не вытерпѣлъ—вышелъ на площадь и обратился къ народу съ проповѣдью. Слово епископа имѣло успѣхъ. Народъ разбилъ бочки съ виномъ и прекратилъ пьянство. Откупщики немедленно послали въ Петербургъ доносъ:

— Архіерей, молъ, «смущаетъ народъ, учитъ не пить водки и тѣмъ подрываетъ казенный интересъ».

Въ Петербургѣ на дѣло взглянули строго. И преосвященный Тихонъ вынужденъ былъ удалиться на покой. Однако, проповѣдь о трезвости не умирала. И въ концѣ царствованія Николая I въ самомъ народѣ обнаруживается стремленіе основывать общества трезвости. Когда же воцарился Александръ II и прошли слухи, что готовится уничтоженіе крѣпостного права, число обществъ трезвости стало сильно умножаться. Не только крестьяне въ селахъ, но и горожане составляли приговоры, чтобы водки больше не пить. Откупщики забили тревогу. И вотъ тутъ произошло нѣчто, въ высшей степени странное. Въ апрѣлѣ 1859 года министры признавали, что требуемыя откупщиками мѣры-

противъ обществъ трезвости «неумѣстны». Въ іюлѣ того же года святѣйшій синодъ говорилъ въ своемъ указѣ, что онъ «благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ *) городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержаться отъ употребленія вина». Но вслѣдъ затѣмъ откупщики обратились къ правительству съ дерзкой просьбою: «отмѣнить указъ синода». И синоду черезъ министра финансовъ было сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «совершенное запрещеніе горячаго вина не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе». Синодскій указъ былъ отмѣненъ. Вмѣсто него послѣдовалъ новый указъ: «прежніе приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи отъ вина уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать». Такимъ образомъ, общества трезвости были запрещены и подверглись преслѣдованію.

Вообще же откупщики пользовались дѣятельною поддержкою правительства. Губернаторы, напримѣръ, еще со временъ Александра I были особымъ указомъ обязаны оказывать откупщикамъ «особое покровительство во всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ откупа», и «по долгу званія подавать откупщику руку помощи и доставлять справедливость». Правда, изъ Петербурга порою получались указы, не выгодные откупщикамъ. Но на такіе указы, по признанію самарскаго губернатора, мѣстное начальство смотрѣло, «какъ на одну лишь формальность, не требующую дѣйствительнаго исполненія». Правительство хорошо знало объ этомъ. И хорошо понимало, какой смыслъ имѣетъ налагаемое на откупщика обязательство платить казнѣ за ведро водки 3 р. 75 коп., а продавать то же ведро по 3 рубля. Обязательство это, разумѣется, выполнить было невозможно. Но, благодаря ему, губернаторы, предсѣдатели казенныхъ палатъ и все прочее мѣстное начальство легко могло причинить откупщику непріятность. И, слѣдовательно, это обязательство обезпечивало губернаторовъ, исправниковъ, полиціймейстеровъ, становыхъ и всѣхъ прочихъ, что откупщикъ будетъ платить имъ приличное вознагражденіе.

ГЛАВА VIII.
АКЦИЗЪ.

Хоть откупщики и обязывались платить казнѣ до 160 милліоновъ рублей въ годъ, но въ дѣйствительности казна не получала этихъ денегъ полностью. Во-первыхъ, многіе откупщики замошенничивали казенныя деньги. Напримѣръ, откупщикъ Евреиновъ не внесъ въ казну около 4 милліоновъ рублей. А когда съ него хотѣли эту сумму взыскать, то оказалось, что его имущество и капиталы куда-то исчезли. Другой откупщикъ Гарфунгель, когда надо было платить, бѣжалъ заграницу и увезъ съ собою 1 милліонъ 125 тысячъ рублей казенныхъ

денегъ. Во-вторыхъ, казнѣ приходилось платить ежегодно жалованье откупщиковой стражѣ. Въ-третьихъ, откупщикова стража заполняла тюрьмы пойманными ею «преступниками». Напримѣръ, въ 1858 году въ тюрьмахъ сидѣло около 111 тысячъ человѣкъ,—«подсудимыхъ по питейнымъ дѣламъ». Эту «армію» казнѣ надо было кормить, судить, ссылать. Между тѣмъ, число «подсудимыхъ» возростало. Населеніе было страшно возмущено откупами. Въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Холмогорскомъ и Онежскомъ уѣздахъ Архангельской губ., въ Пензенской губ., дѣло доходило до того, что народъ разбивалъ и уничтожалъ кабаки. Для «усмиренія» надо было посылать воинскія команды... Если исключить всѣ эти потери и расходы, то откупы давали казнѣ гораздо меньше 160 милліоновъ.

Затѣмъ, соблазнительной казалась и самая прибыль откупщиковъ. Откупщики какъ уже было сказано, наживали ежегодно не менѣе 500 милліоновъ рублей. И естественно хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ часть этихъ денегъ шла въ казну, а не въ карманъ откупщика. Сверхъ того, противъ откупщиковъ шло сильное броженіе въ народѣ. Хоть газетамъ и запрещено было «вредить откупу», т. е. писать о злоупотребленіяхъ откупщиковъ, но отъ того броженіе не уменьшалось. Въ концѣ концовъ откупъ пришлось уничтожить, что и было сдѣлано въ 1863 году. Установлена была такъ называемая вольная продажа водки, обложенной акцизомъ. Это значитъ вотъ что.

За винокуренными заводами былъ установленъ надзоръ акцизныхъ чиновниковъ. Акцизные наблюдали, сколько ведеръ выкуритъ заводчикъ, и какой крѣпости. Положимъ, на заводѣ выкурено 100 ведеръ шестидесятиградусной водки. Значить, заводчикъ долженъ былъ уплатить казнѣ за 6000 градусовъ. Затѣмъ, водка поступала въ оптовые склады, гдѣ ее разбавляли водой. Причемъ акцизные были обязаны наблюдать, чтобы складъ выпускалъ водку не ниже 40-градусной крѣпости. Для раздробительной продажи каждый желающій могъ открыть питейный домъ. Для этого ему стоило лишь оплатить, такъ называемый патентный сборъ въ казну и кромѣ того особый налогъ на кабатчиковъ, установленный городскими и сельскими обществами. Въ городахъ этотъ сборъ взимался городскими управами. А въ селахъ, обыкновенно, сходъ давалъ разрѣшеніе открыть кабакъ, но постановлялъ, чтобы кабатчикъ платилъ ежегодно обществу опредѣленную сумму. Акцизные надзиратели обязаны были слѣдить, чтобы въ кабакахъ водка была 40-градусной крѣпости, т. е. чтобы кабатчикъ не разбавлялъ ее водой.

Въ первое время шло довольно гладко. Но затѣмъ и полиція, и кабатчики, и акцизные надзиратели быстро приспособились къ новому порядку. Начать съ того, что кабатчики имѣли такъ называемые льготные градусы. Хоть и полагалось, чтобы водка была 40 градусовъ, но такъ какъ спиртъ летучъ и теряетъ крѣпость даже при переливаніи изъ одной посуды въ другую, то было установлено, что кабатчикъ не отвѣчаетъ, если водки имѣется не 40 градусовъ, а на нѣсколько десятыхъ градуса меньше. Многіе оптовые склады этимъ воспользовались.

и стали отпускать въ кабаки водку, вмѣсто 40 градусовъ, въ $39^{8}/_{10}$, $39^{7}/_{10}$ и т. д. А дабы акцизные смотрѣли на это сквозь пальцы, отъ складчика имъ было положено «жалованье», какъ во времена откупа. А получивши жалованье отъ складчика, акцизные снисходительно относились и къ тѣмъ кабакамъ, которые покупаютъ у него водку. Кабатчики поняли, что это дѣло выгодное. И мѣстами установилось такъ, что цѣловальники платили складчику «на акцизъ», а складчикъ лишь распредѣлялъ деньги между акцизными.

Далѣе, цѣловальникъ не имѣлъ права производить торговлю по ночамъ, не имѣлъ права давать водку подъ заклады, не имѣлъ права устраивать игры въ карты. Но въ дѣйствительности и ночная торговля быстро процвѣтала, и заклады принимались, и многіе кабаки обратились въ игорные притоны. Все это въ Россіи устроить довольно легко: стоитъ лишь платить «жалованье» городовымъ, околоточнымъ, приставамъ и прочимъ полицейскимъ чинамъ. А задобривши полицію, каждый могъ дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится. Бывали случаи, что кабатчикъ самовольно вызывалъ солдатъ изъ казармы для «усмиренія взбунтовавшихся покупателей». И солдаты по зову этому приходили и усмиряли *). Такимъ образомъ, значеніе кабака всецѣло зависѣло отъ личныхъ качествъ цѣловальника. Если цѣловальникъ совѣстливый человѣкъ, то въ его кабакѣ было мирно: одни собирались сюда, чтобы выпить, а другіе просто, чтобъ побесѣдовать, провести время. Такіе кабаки являлись какъ бы клубами для малоимущихъ людей. Но цѣловальникъ могъ изъ своего заведенія сдѣлать не только игорный, но и разбойничій притонъ: и этимъ выгоднымъ дѣломъ можно было заниматься безнаказанно: стоило лишь давать хорошія взятки полиціи. А такъ какъ въ самодержавномъ государствѣ полиція безнаказанна, то немудрено, что большая часть кабаковъ превратилась въ притоны, гдѣ людей спаивали и обирали. Правительство пыталось съ этимъ бороться. Но оно сваливало вину не на полицію, а на кабатчиковъ. При Александрѣ III былъ изданъ новый законъ: чтобы вино распивочно продавалось только изъ трактировъ (а за право имѣть трактиръ назначена высокая плата,—нѣсколько сотъ рублей въ годъ), а изъ обыкновенныхъ кабаковъ, переименованныхъ въ ренсковые погреба, разрѣшалось продавать водку только навынос; кромѣ того, были заведены особыя «винныя лавки», откуда разрѣшалось продавать водку на выносъ лишь въ запечатанной посудѣ. Надѣялись, что если въ кабакѣ нѣтъ продажи распивочно, то не будетъ и притоновъ. Этотъ законъ значительно увеличилъ доходы полиціи. Но въ ренсковыхъ погребахъ и даже въ винныхъ лавкахъ часто велась такая же «распивочная торговля», какъ и въ трактирахъ.

Чтобъ избавиться отъ кабаковъ-притоновъ, возникло два проекта. Первый проектъ предлагалъ слѣдующее:

— Разъ правительство не хочетъ отказаться отъ дохода съ водки, пусть акцизъ будетъ сохраненъ. Но пусть открытіе и содержаніе кабаковъ будетъ предоставлено или сельскимъ и городскимъ обществамъ

(проектъ Аксакова), или земскимъ и городскимъ общественнымъ управленіямъ.

Между прочимъ, сельскимъ обществамъ кое-гдѣ удавалось устраивать «мірскіе кабаки». Пишущему эти строки извѣстенъ одинъ такой кабакъ въ Черниговской губерніи. Сельское общество открыло его съ цѣлью «наторговать денегъ» для постройки школы и ремонта церкви. Въ селѣ тамъ очень хорошій священникъ—одинъ изъ рѣдкихъ въ Россіи «поповъ-народолюбцевъ». За правильностью торговли наблюдало все село. Но въ концѣ концовъ главное наблюденіе перешло къ священнику. Батюшка строго слѣдилъ, чтобы кабакъ закрывался во время, и чтобы въ немъ не было никакихъ «безобразій». Благодаря этому, кабакъ вскорѣ сталъ не столько кабакомъ, сколько сельскимъ клубомъ. Давалъ онъ обществу въ годъ нѣсколько сотъ рублей дохода. Полиція добилась, чтобы этотъ кабакъ, не дающій ей прибыли, былъ закрытъ. Вообще начальство не одобряло мысль о мірскихъ и общественныхъ кабакахъ. Да оно и понятно. Благодаря торговлѣ спиртными напитками общественныя учрежденія окрѣпли бы и усилились. А это, какъ основательно доказалъ бывшій министръ финансовъ Витте, вредно самодержавію.

Второй проектъ былъ разработанъ старымъ откупщикомъ Кокоревымъ. Этотъ бывшій владѣлецъ отданной ему министрами Орловской губерніи предлагалъ слѣдующее:

— Частную продажу питей упразднить, а завести казенныя винныя лавки, такъ, чтобы весь спиртъ у заводчиковъ скупала казна.

Кокорева поддержали помѣщики. Его проектъ былъ представленъ отъ имени «собранія сельскихъ хозяевъ» властному при Александрѣ III министру Бунге. Сельскія хозяева убѣждали, что они хотятъ добиться уменьшенія народнаго пьянства. Но это были лишь слова. Въ дѣйствительности же рѣчь шла вовсе не о пьянствѣ.

ГЛАВА IX.

ВОЗРОЖДЕНІЕ КАЗЕННАГО КАБАКА.

«Вольный кабакъ» помогъ укрѣпиться крупнымъ виноторговцамъ. Московскія, напр., фирмы Петра Смирнова или Кошелева поставляли водку на всю Россію. Кромѣ этихъ всероссійскихъ фирмъ были также фирмы мѣстныя. Напримѣръ, въ западной части Орловской губерніи вся водочная торговля находилась въ рукахъ купцовъ Мартынова и Боева. Мы уже видѣли, что водочная прибыль считалась дворянскою собственностью. Но когда открылся «вольный кабакъ», дворяне не выдержали купеческой конкурренціи и лишились своей «собственности». Въ той же хотя бы Орловской губерніи дворяне-винокуры были вынуждены продавать спиртъ либо Мартынову, либо Боеву. А Мартыновъ и Боевъ лишняго не заплатятъ и ничего зря не примутъ. Вотъ почему дворяне кричали, что вольный кабакъ «развращаетъ народъ» и уби-

ваетъ «сельскохозяйственное (т. е. помѣщичье) винокуреніе». По этой же причинѣ «сельскіе хозяева» горячо ухватились за мысль Кокорева,— чтобы всю водку у заводчиковъ скупала казна. Каждый помѣщикъ хорошо знаетъ, что для него гораздо выгоднѣе продавать спиртъ тароватой для дворянъ казнѣ, а не соблюдающему свои выгоды купцу.

Такимъ образомъ, рѣчь шла въ сущности о дворянскихъ выгодахъ. И ради этихъ выгодъ казнѣ предлагалось:

1) Построить по всей Россіи свои водочные склады, свои спиртоочистительные заводы и вообще всѣ приспособленія для оптовой заготовки водокъ;

2) Оборудовать по всей Россіи свои мелочныя винныя лавки.

Иначе говоря, отъ казны требовалось ради выгоды дворянъ-винокуровъ единовременно затратить милліарды рублей, и притомъ затратить зря, безъ надежды вернуть истраченное. Правда, «сельскіе хозяева», убѣждали, будто казна, сверхъ акциза, выручитъ въ своихъ лавкахъ всю ту прибыль, какую имѣли кабатчики. Однак министръ Бунге безъ труда убѣдилъ Александра III, что прибыли этой казна не получитъ и не можетъ получить, ибо чиновники около кабаковъ постараются имѣть свой доходъ. Мысль «воспособить дворянскому винокуренію» была оставлена. Но къ концу царствованія Александра III заботы правительства о дворянствѣ усилились. Министромъ финансовъ былъ назначенъ защитникъ самодержавія Витте. Витте хорошо понималъ, что дворянство необходимо для защиты и поддержки самодержавной власти. А, слѣдовательно необходимо, чтобы дворянамъ были предоставлены особыя права и преимущества. Онъ взялся за проектъ Кокорева, и 6 іюня 1894 года государственный совѣтъ постановилъ ввести съ 1 января 1895 г. въ губерніяхъ: Оренбургской, Пермской, Самарской, Уфимской казенную продажу водки, или, такъ называемую, казенную винную монополію. Однако, даже состоящій изъ дворянъ государственный совѣтъ испугался тѣхъ тяжкихъ жертвъ, какихъ требуетъ Витте отъ казны, и рѣшилъ, чтобы казенная монополія существовала только въ этихъ четырехъ губерніяхъ и при томъ «въ видѣ опыта». Постановленіе это было утверждено Государемъ и стало закономъ. Но Витте рѣшилъ не признавать этого закона. Онъ, вопреки законному порядку, помимо государственнаго совѣта, добился того, что 11 іюля и 9 декабря 1894 года были подписаны заготовленные имъ указы о распространеніи «казенной монополіи» на всю Россію. На основаніи этихъ незаконныхъ законовъ были истрачены сотни милліоновъ рублей на постройку казенныхъ зданій (для храненія и переработки дворянскаго спирта). И съ 1 іюля 1901 года повсемѣстно въ Европейской Россіи былъ сызнова водворенъ «государственный кабакъ». Перестала онѣ торговать водкою и спаивать народъ въ 1914 г., когда началась война съ германцами.

Серія народныхъ брошюръ на современныя политическія темы.

„Свободный народъ".

(Подъ редакціей: *М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. Е. Сыроѣчковскаго*).

* 1. Великіе дни. А. М. Шубертъ.
2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи. К. В. Сивковъ.
3. Николай II и его слуги. Б. Е. Сыроѣчковскій.
4. Временное правительство. Б. Е. Сыроѣчковскій.
5. Борцы за свободу. М. А. Осоргинъ.
6. Учредительное собраніе. Е. Н. Ефимовъ.
7. Всеобщее избирательное право. Е. М. Бобѣдина.
8. Равноправіе женщинъ. Е. Д. Кускова.
9. Выборъ народныхъ представителей. А. С. Буткевичъ.
* 10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ Н. А. Кабановъ.
11. Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ.
12. Республика или монархія. Т. И. Полнеръ.
* 13. Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій.
* 14. Одна или двѣ палаты. Н. А. Кабановъ.
15. Единое государство и союзъ государствъ. А. Ѳ. Садиковскій.
16. Польша. И. С. Рябининъ.
17. Украина. С. А. Ефремовъ.
* 18. Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ.
19. Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.
20. Какъ надо преобразовать церковь. И. М. Громогласовъ.
* 21. Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій.
* 22. Свободный народъ. В. А. Розенбергъ.
23. Солдатъ и офицеръ. В. И Лебедевъ.
24. Новая армія. В. И. Лебедевъ.
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Е. А. Звягинцевъ.
* 26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. Е. А. Звягинцевъ.
27. Народное земство. Е. А. Звягинцевъ.
* 28. Мелкая земская единица или волостное земство. Е. А. Звягинцевъ.
29. Полиція и милиція. П. В. Всесвятскій.
30. Судъ и наказаніе. И. Н. Сахаровъ.
31. Темныя силы. (Распутинъ и др.). А. Михайловъ.
32. Романовъ въ исторіи. В. В. Филатовъ.
33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. В. Н. Перцевъ.
* 34. Пѣсни свободы. И. Н. Розановъ.
* 35. Отчего загорѣлась великая европейская война. Н. П. Огановскій.
* 36. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. К. В. Сивковъ.
* 37. Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій.
* 38. Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ.
39. Народъ-хозяинъ. А. Б. Петрищевъ.
40. Новый законъ о городскихъ выборахъ. Е. А. Звягинцевъ.
41. Паденіе царской власти. В. Короленко.
42. Про нынѣшнюю войну и про вѣчный міръ. М. А. Осоргинъ.

Цѣна 80 коп.

Т-во „ЗАДРУГА“.
МОСКВА, М. Никитская 29.
ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная ул., № 24.